

плохих людей нет

Хольм ван Зайчик

ДЕЛО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ЕВРАЗИЙСКАЯ
СИМФОНИЯ

Книга III

Евразийская симфония (Плохих людей нет)

Хольм Ван Зайчик

Дело о полку Игоре

«Азбука»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Ван Зайчик Х.

Дело о полку Игорева / Х. Ван Зайчик — «Азбука»,
— (Евразийская симфония (Плохих людей нет))

ISBN 978-5-389-30681-3

Северная столица цветущей Ордуси. Одна из наиболее почитаемых книг великой страны – «Слово о полку Игорева» – повествует о радостной встрече создателей государства и последовавшей затем веселой свадьбе. Еще в Асланіве, откуда ланчжун Багатур Лобо и минфа Богдан Оуянцев-Сю вернулись, одолев скорпионов-похитителей («Дело незалежных дервишей»), Баг случайно наткнулся на эту книгу и поразился ее содержанию – рассказывалось в ней о бесславных битвах и предательстве. Как посмел неведомый автор так перевернуть родную историю? Впрочем, в заботах и делах Баг о книге позабыл: в столице разразилась новая беда – бояре из Александрийского Гласного Собора, словно умалишенные, начали сводить счеты с жизнью. Рука об руку с Богданом и при помощи благородного кота Судьи Ди Баг стал распутывать это странное дело, а к концу вспомнил и про неприятную книжку. Вот когда человекоохранительный пасьянс сложился в его голове окончательно!.. Захватывающие приключения достойных сыщиков-криминалистов продолжаются, и попытка заблужденцев бросить тень на священный для всех жителей прекрасной Ордуси текст будет посрамлена!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-389-30681-3

© Ван Зайчик Х.

© Азбука

Содержание

От редактора	10
Багатур Лобо	14
Богдан Рухович Оуянцев-Сю	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Хольм Ван Зайчик

Дело о полку Игореве

Издательство выражает глубокую благодарность Хольму ван Зайчику за любезно предоставленную рукопись и разрешение на публикацию

© Хольм ван Зайчик, 2025

© Антон Ломаев, иллюстрации, 2025

© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Издательство Иностранка®

Хольм ван Зайчик

ДЕЛО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ

Перевод с китайского
Евстафия Худенькова и Эммы Выхристюк

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

От редактора

*Мыслью доблестный муж
устремлен за четыре моря.
Цао Чжи (192–232)*

Новый том удивительного еврокитайского писателя Хольма ван Зайчика (1911–?) завершает первую цзюань цикла «Плохих людей нет. Евразийская симфония». В нее вошли три неразрывно связанных между собой романа: «Дело жадного варвара», «Дело незалежных дровишек» и, наконец, «Дело о полку Игореве».

В переводе с китайского «цзюань» значит «свиток». В Старом Китае книги писали на шелке; легкие, приятные на ощупь полотнища затем накручивали на деревянные палки, а получившиеся свитки вкладывали в футляры и, наклеив на них ярлыки с названиями сочинений, убирали в бамбуковые короба. Впоследствии книги стали бумажными, но традиционное деление крупных текстов на цзюани сохранилось. Цзюань – это нечто неразделимое, внутренне связанное, цельное, иначе говоря – глава, часть.

Первая цзюань цикла – «Александрийская». Именно здесь, в Северной столице (как известно, в Ордуси¹ три столицы: Ханбалык на востоке, Каракорум в центре и Александрия Невская на северо-западе), встречаются центральные персонажи – сыщик Багатур Лобо по прозвищу Тайфэн, и ученый-законник Богдан Рухович Оуянцев-Сю.

Александрия Невская являет собой весь ордуский мир в миниатюре: мир демократической империи, где императорская власть освящена вышними силами (Небом) и одобрена на земле (народом), мир религиозного синкретизма, где в полном согласии живут люди разных вероисповеданий, мир в лоне культуры, где никакое изобретение не принимается обществом, если оно не оправдано нравственно.

Так не бывает? Отчего же. Вот она – Ордусь, раскинулась на берегах Невы. Здесь «расцветают все цветы и процветают все школы»: даосизм, буддизм, православие, ислам и иудаизм – под сенью морально-этического учения Конфуция. Так, Богдан Оуянцев-Сю – православный, а Багатур Лобо – буддист. Однако свобода религиозного выбора – это лишь часть ордусской свободы личности в целом, отличной прежде всего тем, что она не для себя только, но для гармонизации миропорядка, для создания «здесь и теперь» максимально достойных межлических отношений, как единственно только и пристало «благородному мужу-цзюньцзы», ибо «благородный муж стремится к гармонии как в сердце отдельного человека, так и в государстве в целом»; конфуцианская мораль и непреложный авторитет Учителя оберегают жителей Ордуси от несообразных поступков.

Писателя Хольма ван Зайчика занимают именно те вопросы, что с предельной остротой встали на рубеже XX и XXI веков перед всем мировым сообществом, охваченным противоречивым и болезненным процессом глобализации. Для чего мы? Для одних только себя? Или для чего-то большего? А если для чего-то большего и высшего, насколько мы можем думать единственно о себе? И где лежит граница между тварным и горним? Правомерно ли приписывать одной какой-то культуре верное знание этой границы? Как соотносятся этика и прогресс – тормоз ли этика для научно-технического прогресса или, напротив, безудержный внеэтичный

---

¹ Описанное Х. ван Зайчиком государство в целом официально именовалось Цветущей Ордусью (по-китайски – Хуася Оуэрдусы 華夏耦而督私) и состояло из собственно китайских территорий, неофициально называвшихся Цветущей Срединой (Чжунхуа 中華), а также Внешней Ордуси, поделенной на семь улусов (Здесь и далее – примеч. переводчиков).

прогресс – непомерной тяжести вериги, сковывающие духовное совершенствование человечества? Как примирить их?

Эти вопросы так или иначе ревизуются во всех романах первой цзюани. Сюжетной завязкой служит совершение некоего человеконарушения (в варварских языках это принято называть детективной интригой). Но интрига детективная для Хольма ван Зайчика не существует вне интриги нравственной: проступок и поступок идут в романах рука об руку.

В «Деле жадного варвара» наущением баснословно богатого западного филантропа крадут из Александрийской патриаршей ризницы крест святителя и великомученика Сыся, однако это не банальная кража: сталкиваются и противостоят человеческая, этически продуманная культура Ордуси и техническая, эгопрагматическая цивилизация варваров.

В «Деле незалежных дервишей» – деле не Александрийском, а, если можно так сказать, провинциальном (своего рода «деле отделенцев»), стремления человека, вождедующего богатства и ради этого богатства презревшего сообразные ордусские нормы этики и морали, едва не приводят к экономической и этнической катастрофе целый край; и снова это роман не столько о поисках клада и похищениях людей, сколько о подоплеках многих межнациональных конфликтов.

Наконец, «Дело о полку Игореве» – это притча о пределах, положенных человеку Промыслом, хотя сюжет ее самый увлекательный. Вновь и вновь ван Зайчик идет путем столь полюбившейся ему китайской культуры: думая о главном, не забывает малого; прозревая сущее, видит движение тени; обращаясь к Вечности, наслаждается сиюминутным; исполняясь мудрости, не отвергает скудости мира сего. Он проникает проблемы будущего века и прозревает их истоки в прошедших эпохах. Наконец, он создает дивной притягательности мир, где едиными чаяниями прирастает в мире гармония, и в силу того самый мир получает надежду быть.

Однажды Му Да и Мэн Да пришли к Учителю, и Му Да сказал:

– Учитель, вчера мы с Мэн Да ловили рыбу на берегу реки Сян и вдруг услышали странные звуки. Мы обернулись и увидели животное – у него была огромная голова с небольшими ветвистыми рогами, длинное тело и короткие ноги. Оно тонко поскуливало и смотрело на нас большими глазами, а из глаз текли слезы. Мэн Да крикнул, и животное скрылось в зарослях тростника. Я считаю, что это был цилинь, а Мэн Да говорит, что это был сыбусян. Рассудите нас, о Учитель!

Учитель спросил:

– А велико ли было животное?

– Оно было размером с лошадь, но высотой с собаку! – ответил Мэн Да.

– Уху! – воскликнул Учитель с тревогой. – Это был зверь пицзеци². Его появление в мире всегда предвещает наступление суровой эпохи Куй. А столь большие пицзеци приходят лишь накануне самых ужасных потрясений!

Конфуций. «Лунь юй», XXII глава «Шао мао»³

---

² Подробнее о перечисленных здесь животных см. статью «Предварительные разыскания о звере пицзеци» в конце данного тома.

³ Дошедшие до нас списки «Лунь юя» («Суждений и бесед») насчитывают двадцать глав. Двадцать вторая глава, представлявшая собою, по свидетельству некоторых древних комментаторов, квинтэссенцию конфуцианской мудрости и написанная Учителем собственноручно за несколько месяцев до кончины, считалась утерянной еще во времена царствования Цинь Ши-хуанди (221–209 г. до н. э), во время его знаменитых гонений на конфуцианскую ученость и культуру. Однако мы не исключаем, что в руки столь пытливого исследователя и неистового коллекционера, каким является Х. ван Зайчик, каким-то образом мог попасть текст драгоценной главы, неизвестной современному востоковедению. Домашняя библиотека мастера до сих пор закрыта для посторонних, и лишь правнуки ученого посредством весьма длительных и утонченных процедур ежедневно оспаривают друг у друга честь стирать с ксилографов и свитков пыль и не подпускать к ним чужаков.

Багатур Лобо

*Александрия Невская,
19-й день восьмого месяца,
шестерица, утро*

– Ладно, – молвил Баг, распахивая перед Судьей Ди дверь, – но учти: с собой я тебя не возьму, и не думай даже.

Кот независимо дернул хвостом – очень нужно! – и направился через лестничную площадку к двери сюцая⁴ Елюя. Посмотрел на кнопку звонка и перевел взгляд на Бага.

– Ну, позвоню я, и дальше? – спросил Баг, останавливаясь рядом. – Ты знаешь, что сегодня выходной?

«Ты звони давай!» – говорили зеленые кошачьи глаза.

Баг хмыкнул и нажал на кнопку.

Некоторое время было тихо.

– Понял, хвостатый преждежденный? – В голосе Бага слышалось откровенное ехидство. – Нашего сюцая нет дома!

Но тут дверь отворилась, и перед Багом и котом предстал сюцай Елюй – в небрежно подпоясанном домашнем халате и с книжкой в руке.

Приближались осенние экзамены: меньше чем через месяц съехавшимся в Александрию из всех уголков необъятной Ордуси сюцаям предстояло держать испытания, дабы строгие и беспристрастные судьи отобрали среди них наидостойнейших – тех, что смогут затем, буде возникнет такое желание, участвовать в дворцовых экзаменах в Ханбалыке. Но и те, кому не посчастливится получить сейчас искомую ученую степень и удостоиться чести называться цзюйжэнями⁵, не зря трудятся над книгами – их рвение и образованность найдут применение на разных должностях в многочисленных уездах бескрайней Родины, а там, глядишь, пройдет три года, и вновь перед упорными ревнителями самосовершенствования откроется возможность проверить себя в Александрии. Ведь, как учил в двадцать второй главе «Суждений и бесед» великий Конфуций, не к знатности и почестям стремится благородный муж, но к тому, чтобы делами и поступками своими вести народ к гармонии и процветанию. И коли таковы твои помыслы, то, право, не так важно – цзайсян⁶ ты или простой уездный уполномоченный налогового ведомства.

Сюцай Елюй на глазах Бага из беззаботного шалопая, прожигающего время жизни под бездумную варварскую музыку, превратился в целеустремленного юношу, начинающего утро с комплекса тайцзицюань, а затем до глубокой ночи погруженного в классические сочинения – и Багу было приятно сознавать, что произошло это не без его благотворного влияния. «Взялся за ум, – с теплотой думал Баг, – стал стремиться к главному. Самое время!»

И Судья Ди стал откровенно благоволить Елюю, а это также не могло не оказать доброго воздействия на юнца. Привыкнув, покуда Баг был в Асланіве⁷, по-соседски коротать у сюцая часы и дни Багова отсутствия, кот сам исправно просился в гости, стоило честному человекоохранителю начать собираться из дому. В первый раз Баг удивился: куда это вознамерился

⁴ На простом русском языке сказали бы по-болонски: бакалавр. А может, магистр. И сразу стало бы понятней, правда?

⁵ А вот это уже скорее магистр, чем бакалавр. В общем, кандидат. Пovyше сюцая, пониже цзиньши. Диплом получили, поели лапши...

⁶ Обычно на европейские языки термин *цзайсян* 宰相 переводится словами «канцлер», «премьер», «первый министр». В «Деле незалежных дервишей», например, Баг называет германским цзайсяном Бисмарка.

⁷ Асланівська эпопея Бага и Богдана описана Х. ван Зайчиком в «Деле незалежных дервишей».

отправиться хвостатый преждежденный? Вот, скажем, он, Багатур Лобо, идет в Управление внешней охраны, на службу идет, идет распутывать дело о таинственном похищении пятнадцати велосипедов со стадиона «Дракон Северного моря», но куда собрался кот?

В ответ на прямо заданный ему вслух вопрос Судья Ди, по своему обыкновению, промолчал. Хотя за время общения с ним Баг твердо уверился в том, что кот прекрасно понимает человеческую речь, причем на нескольких наречиях; он даже стал подозревать, что Судья Ди и говорить вполне способен – просто ленится. Или, скорее, настолько хитер, что не хочет этого показывать, справедливо полагая: стоит ему хоть раз проколоться, и – прощай спокойная кошачья жизнь. «Ничего, – думал Баг, с невольным уважением глядя на кота, – ничего, как-нибудь тебя припрет настолько, что ты не выдержишь». Однако покамест хвостатый преждежденный держался молодцом, не позволял себе ни слова ни на одном из ордусских наречий, обходясь богатейшим арсеналом весьма разнообразных мяуканий да целым набором красноречивых жестов и поз. Вот и в тот раз он подошел к двери Елюя и коротко оглянулся на Бага. И стал выразительно ждать. Помня о том, как трагически кот воспринял первую встречу с сюцаем и какой глубины презрение плескалось тогда в его глазах, Баг только руками развел.

С тех пор и повелось: утром, уходя на службу, Баг передавал кота на попечение Елюя – или кот брал сюцаю под свое покровительство (Баг еще не решил, как тут сказать вернее), а вечером забирал своего рыжего приятеля. Потом они с котом сидели в гостиной, смотрели телевизор или читали книжку и пили пиво. А когда Баг задерживался сверх обычного и считал невозможным поздним звонком в дверь беспокоить погруженного в таинства наук сюцаю, Судья Ди возвращался домой через террасу самостоятельно...

Ныне же, в шестерицу, день праздный, Баг направлялся в Павильон Возвышенного Созерцания, где вместе со Стасей намеревался насладиться выставкой картин великого русского художника Гэлу Цзунова, привезенной всего на одну седмицу из Мосыкэ. Посещать выставки такого рода в кругу сослуживцев Бага считалось занятием весьма сообразным.

– Добрый день, драгоценный преждежденный Лобо! – Сюцай Елюй приветливо улыбался, провожая взглядом Судью Ди, который вполне привычно направился вдоль по коридору. – Как удачно, что вы зашли! Я как раз собирался заварить «Золотой пуэр», который мне привез из Ханбалыка батюшка. Не окажете ли вы мне любезность, выпив вместе со мною по чашечке-другой этого замечательного напитка?

«Даже речь у парня изменилась, – с удовлетворением отметил Баг. – Культурой повеяло от человека, культурой...»

– Что ж, – скупно улыбнулся он. «Золотой пуэр» был чай изысканный, готовили его по старым рецептам очень малыми партиями – специально для императорского двора, а до встречи со Стасей еще оставалось время. – Если не отвлеку вас...

– Что вы! – всплеснул руками Елюй. – Это большая честь для скромного жилища вашего недостойного слуги. Прошу вас, войдите!

Баг вошел и, сопровождаемый радушным хозяином, двинулся следом за котом в гостиную.

Апартаменты сюцаю по планировке походили на апартаменты Бага, однако если обстановка жилища Лобо была скорее спартанской – исключительно необходимые для жизни вещи, ну разве что музыкальный центр «Кали-юга 1455» выделялся драгоценным камнем среди суровой простоты, то гостиная сюцаю Елюя теперь напоминала кабинет ученого мужа, оформленный в лучших ханьских традициях: исчезли легкомысленные занавеси на окнах, уступив место строгим шелкам с видами горы Тайшань, вдоль стен разместились полные книг лаковые шкапы, между коими красовались каллиграфически выполненные надписи – все больше выдержки из двадцать второй главы «Суждений и бесед» великого Конфуция. «Усердное постижение канонических книг раскрывает уши, праздность погружает в бездну глухоты», – с благоговением прочитал Баг.

– Извините, у меня не прибрано, повсюду книги, – смущенно сказал сюцай. – В кабинете еще хуже... Прошу вас, присаживайтесь! – Елюй указал на кресло рядом с резным чайным столиком. – Я приготовлю чай! – Он скрылся в коридоре. Где-то в глубине квартиры глухо стукнула ступка: «Золотой пуэр», как и века назад, изготавливался в виде брикетов измельченного чайного листа, которые перед употреблением надлежало тщательно и с умением растолочь.

Баг покосился на заваленный свитками, книгами и компакт-дисками стол на гнутых ножках, которые, казалось, вот-вот не выдержат и подломятся под тяжестью груды знаний. Из книг густо торчали закладки.

Кот между тем неторопливо подошел к двери между двух шкапов: у Бага такая дверь вела в спальню. Подошел, обернулся и выразительно посмотрел на Бага.

– Ну уж нет, – отвечал тот, – мы все же не дома, мой хвостатый друг.

– Мр-р-р, – продолжал настаивать кот и уселся у двери. Взглянул на ручку. – Мр!

– Нет, не «мр», – махнул рукой Баг. – Совершенно не «мр». Это несообразно.

Кот повел ушами в сторону кухни, повернулся к двери задом и сделал вид, что увлеченно трется о косяк: в этот миг в комнате возник сюцай – с подносом, на котором стояли глиняные чашечки и пузатый чайник усинской работы. Осторожно установил поднос на столик и церемонно налил чай в чашечки. Потом обеими руками поднял одну и почтительно протянул Багу.

– Отведайте, прошу вас!

Баг с легким поклоном принял чашку и пригубил горячий ароматный напиток. То был превосходный чай, обладающий тонким, почти теряющимся и в то же время простым и строгим букетом. Баг признательно прикрыл веки.

– Изумительно... А что ваш батюшка, не вернулся ли он уже в Ханбалык?

С родителем Елюя Багу повезло столкнуться на лестнице на прошлой седмице. Как всегда открыв дверь перед Судьей Ди, Баг обнаружил, что на лестничной площадке вполне многолюдно: у двери сюцай толпились четверо свитских в серых шелковых халатах, а также упитанный преждедороденный среднего роста, в темно-голубом официальном платье и высокой шапке-гуань. Характерные черты круглого румяного лица, а также едва уловимые особенности в манере жестикуляции позволяли безошибочно угадать в нем исконного жителя Цветущей Средины, потомственного придворного неведомо в каком колене; преждедороденный небрежно принимал низкий поклон Елюя, когда на площадке возникли Баг и кот. Судья Ди, заинтересованный, степенно подошел к приезжему. Сановник повернулся, внимательно осмотрел кота, потом расплылся в улыбке и бросил в пространство: «Хвостатый каких будет?» – «Они – Судья Ди, батюшка», – почтительно подсказал сюцай из-за его плеча. «О! – удовлетворенно воздел к потолку пухлый палец сановник. – О!..» После чего похлопал Елюя по плечу, мазнул взглядом по стоявшему в сторонке Багу и в сопровождении свитских неспешно погрузился в лифт...

– Да, благодарствуйте, – отвечал сюцай. – Вернулся, и обратный путь его был легкий и приятен, как он соблаговолил мне сообщить электронным письмом сразу по приезде домой.

– Надеюсь, наш прекрасный город произвел на него благоприятное впечатление? – осведомился Баг, сделав маленький глоток.

Сюцай улыбнулся.

– Я тоже на это надеюсь, – сказал он. – Но, вообще-то, батюшке было не до красот, ему минутки свободной не выпало. Он приезжал консультироваться относительно челобитной о снижении налогов с высокотехнологичных предприятий нашего улуса. – Баг с удовольствием отметил, что сюцай Елюй, уроженец Цветущей Средины, назвал Александрийский улус «нашим». – Голосование по ней, как вы знаете, состоится в улусном Гласном Соборе в конце следующей седмицы. Батюшку очень волнует, насколько высока вероятность того, что челобитная наберет потребное число голосов.

– А, вот оно что! – Баг был далек от проблемы налогов. «Золотой пуэр» интересовал достойного человекоохранителя гораздо больше. – Полагаю, это волнует не его одного... Замечательный чай.

Довольный Елюй схватился за чайник:

– Вы позволите?

Баг придвинул свою чашку.

– Прежде рожденный Лобо, – торжественно и немного смущенно после паузы проговорил Елюй. – Я давно хотел от всей души вас поблагодарить, но мне не представлялось случая...

– За что? – удивился Баг.

– Вы для меня как пример! Соседство с вами – оно буквально все во мне перевернуло! Когда я узнал о вас, о ваших славных подвигах, передо мною ясно встала вся моя прошлая жизнь. Я понял, как она была пуста и ничемна. Ныне все мои помыслы лишь о том, как послужить народу, как стать похожим на вас, стать таким же героем... и будьте уверены, я этого добьюсь! – Голос Елюя дрожал от наплыва чувств.

– Ну что вы, – слегка смутился Баг, – какие подвиги! Я всего лишь честно делаю то, что должен. И был бы рад, если б и вы поступали так же. Вот и все.

– Да, да! – Сючай взмахнул чашкой. – Именно! Вы еще узнаете! Я окажусь достойным вашего доверия! Я вам докажу! Вот увидите!

«Милосердная Гуаньинь!»⁸ – Баг почувствовал себя не в своей тарелке.

– Нет-нет, – сказал он Елюю. – Не надо ничего доказывать. Пусть все идет своим чередом. Естественно. Ведь вы, сючай, не можете не помнить слов Лао-цзы... – Баг хотел процитировать подходящие к случаю слова о пользе надежды, но, вовремя поняв, что дословно ему ничего не вспомнить, сразу вспомнил, что спешит. – И вообще, извините меня, но мне пора, меня ждут. – Баг легко поднялся из кресла. – Спасибо вам за чай.

Слегка удивленный и даже разочарованный поспешным уходом Бага сючай проводил его до двери, по пути уверяя в своем глубоком расположении и почтении, а также повторяя, что он, сючай Елюй, в самом скором будущем сделается в полной мере достойным такого ко многому обязывающего соседства.

На площадке Баг обернулся и коротко поклонился.

– Всего доброго! – сказал он. – Вечером я зайду за котом.

– Да, конечно! – улыбнулся сючай. – Когда вам будет угодно, драгоценный прежде рожденный Лобо!

«Что это он собирается доказывать? – вызывая лифт, с недоумением думал Баг. – Зачем? Суетливый он какой-то. Гм... Ну, ничего. Хорошо, что кот не один, не скучает, под присмотром. Хотя... неизвестно еще, кто там за кем присматривает».

*Павильон Возвышенного Созерцания,
19-й день восьмого месяца, шестерица,
день*

Они встретились перед входом в Павильон Возвышенного Созерцания – длинное здание с колоннами, расположенное неподалеку от Всадника, коего искони именовали в Александрии Медным, но теперь все чаще называли Жасминовым из-за разросшихся вокруг великолепных благоуханных кустов, любоваться которыми в пору цветения съезжался весь город.

Стася была очаровательна: в темно-малиновом легком шелковом халате, с простым сандаловым веером в руках. Ее бездонные черные глаза лучились улыбкой, и Баг, склонившись в коротком поклоне, ощутил легкий, едва заметный аромат ландышей. Стася, как уже знал

---

⁸ Божество милосердия в пантеоне китайского протонародного буддизма.

Баг, прекрасно разбиралась в косметике, в частности в запахах. Ибо такова была ее профессия: девушка работала в Александрийском Управлении вод и каналов, надзирая за правильной работой очистных сооружений, так что иногда ей за день приходилось обонять несколько десятков образцов сточных вод, определяя сообразность степени их очистки; именно это, как полагал Баг, приучило девушку быть особенно разборчивой в области косметических благоволий. Притом, как и подобает человеку просвещенному, Стася имела довольно широкий круг интересов и была весьма хорошо образована, в чем Баг неоднократно имел случай убедиться. Собственно, и на выставку картин великого Гэлу Цзунова вытащила Бага именно она; сам Баг ограничился бы тем, что прочел заметку в ленте ежедневных новостей раздела «Культура» сайта *alexandria.ord*.

Невесомый шелест халатов, легкий шорох шагов и приглушенные до шепота голоса многочисленных посетителей наполняли огромный Павильон. Казалось, вся Александрия Невская пришла посмотреть на картины народного кумира. Здесь были представлены свитки самых разных периодов творчества замечательного художника – от раннего даосского до позднего буддийского. Багу, сказать по правде, столь размашистые духовные метания казались неискренними, надуманными, но сам он рисовать не умел, а потому считал свое мнение незрелым и никому его не высказывал. И когда Стася, восхищенно обмирая, тянула его от одного свитка тяжелого шелка к другому, он лишь окидывал довольно равнодушным взглядом произведения изящного искусства, зато с тем большим чувством прижимал к себе локтем тонкую ручку спутницы. Стася, кажется, относил эту легкую порывистость на счет восхищения, каковое охватывало Бага при очередном соприкосновении с прекрасным.

А может, и нет. Может, и правильно относил.

– Ба! Милейший господин Лобо!

Баг с некоторым облегчением оторвался от созерцания монументального свитка «Бессмертная Ордусь», перед которым Стася глубокомысленно стояла уже добрых десять минут. Громадный шелк являл собой собрание ликов владык земель Ордусских, от изображенного на фоне ледяных вершин горы Сумеру князя Александра в верхнем левом углу до великодушно возвышающегося на переднем плане ныне здравствующего Милостивейшего Владыки Чжу Пу-вэя в нижнем правом. От бесцеремонности этого возгласа девушка вздрогнула. Баг успокаивающе глянул на нее и лишь потом обернулся.

Сквозь толпу любителей живописи, сияя улыбкой и учтиво извиняясь, пробирался нихонский князь Люлю в сопровождении неизменного Сэмивэла Дэдлиба: Дэдлиб расстался со шляпой – видимо, из уважения к прекрасному, Люлю же был облачен в легкий пиджак несуществующего в природе оттенка зеленого цвета и гладко выбрит. Баг отметил тактичность нихонца, по первому впечатлению постоянно, казалось, пренебрегавшего правилами поведения: на ногах его были на сей раз вполне изящные мягкие черные туфли, а не запомнившиеся Багу ботинки военного образца, усаженные подковками да шипами и наносящие полу, даже гранитному, существенные увечья. А что они сотворили бы с драгоценным палисандровым паркетом позапрошлого века...

«Надо же, – подумал Баг, – какая встреча!»

– Кто это? – шепнула, округлив глаза, Стася. – Гокэ?⁹

– Угу, – шепнул в ответ Баг.

– Наслышан, наслышан! – Люлю поклонился на нихонский манер. – Читали в прессе про последние ваши подвиги, правда, Сэм? – Он обернулся к Дэдлибу, который с налета завладел

---

⁹ На протяжении многих веков всех иностранцев в Ордуси, следуя древней китайской традиции, называли варварами, не вкладывая в это слово оттенков превосходства, презрения или высокомерия, присущих его буквальному значению. Однако в последние десятилетия, избегая употреблять этот не вполне уважительно звучащий термин, людей, по тем или иным причинам приезжающих в Ордусь из-за границы, именуют *гокэ* 國客, то есть «гостями страны».

рукой Бага и принялся ее энергично трясти. – Да, с Горним Старцем – это было сильно, сильно! Поздравляю, искренне поздравляю!

– Очень рад вас видеть, – высвободив руку, скромно поклонился Баг. – Рад, что вы в добром здравии.

– А кто это с вами, господин Лобо? Кто эта очаровательная юная особа?

– Позвольте вам представить мою добрую знакомую Анастасию Гуан, – молвил Баг. Стася, слегка порозовев, поклонилась.

– А! Очень приятно, чертовски приятно видеть добрую знакомую милейшего господина Лобо! – вскричал Люлю, вызвав небольшой переполох среди посетителей Павильона. – Зовите меня просто Люлю, а это вот – Сэм Дэдлиб.

Дэдлиб поискал на голове шляпу на предмет снять, но не нашел, завладел Стасиной рукой и церемонно ее поцеловал.

Стася зарделась не на шутку.

– И как вам Свенска? – пришел на помощь Баг, оттирая Дэдлиба в сторону.

– А, Свенска... – Нихонец сплел пальцами в воздухе пренебрежительную фигуру. – Мы ничего не приобрели от ее посещения. Тихая и унылая страна, медленные люди... неплохое, правда, пиво. Мы провели там три седмицы, и за все это время не случилось ничего достойного внимания, можете себе представить?

Баг не очень понял, что Люлю имеет в виду, но на всякий случай понимающе кивнул. Какие именно предметы и материи считал достойными внимания нихонский князь – оставалось загадкой.

– ...И вот однажды утром я спросил Сэма: а какого черта мы тратим время в этой Свенске, коли совсем рядом, в Ордуси, есть Александрия Невская, которую мы толком не осмотрели, а в Александрии Невской есть милейший господин Лобо, который так славно владеет мечом! И тогда мы собрали чемоданы. – Люлю сиял, как новенький чох. – Господин Лобо, я прошу вас посетить вместе со мной какой-нибудь... э-э-э... местный зал для фехтования, дабы мы в полной мере смогли оценить способности друг друга. А потом все вместе пропустим наконец по стаканчику, а? Что вы скажете?

– Вы мне льстите! – Желание нихонца было Багу близко и понятно. Он и сам с удовольствием посмотрел бы, что еще, кроме виртуозного владения дубинкой, умеет Люлю. – Быть может, вы оставите мне адрес и телефон и я свяжусь с вами?

– Э-э-э... – Люлю, раздумчиво шевеля губами, взглянул на Дэдлиба. Тот, достав из внутреннего кармана визитную карточку, примостил ее на спине нихонца и написал что-то на обороте. Сунул Люлю в руку. – Вот! – Люлю протянул карточку Багу.

– Благодарю. – Баг принял карточку, взглянул мельком: «Сэмивэл Дэдлиб, инспектор полиции». «Надо же! – изумился Баг. – Человекоохранитель!» И поинтересовался у Люлю: – А где же другой ваш спутник, кажется, Юллиус Тальберг?

Жизнерадостное лицо Люлю омрачила пелена легкой грусти.

– О, Юллиус... Вы знаете, милейший господин Лобо, Юллиус нездоров.

– Сильно нездоров, – закивал Дэдлиб.

– А кто это – Юллиус? – спросила Стася.

– Это один из спутников младшего князя Тамура, – пояснил Баг и, заметив удивление на лице Стаси, добавил: – Младший князь Тамура – прямо перед тобой, драгоценная Стася. Князем владеет тяга к суровой простоте, оттого он просит называть себя Люлю. Но при этом он все равно князь.

Стася присела в глубоком поклоне.

– Ну вот, ну вот! – всплеснул руками Люлю. – Я так и знал! Что это вы, господин Лобо, к чему, зачем?! Дорогая, – Люлю порывисто подхватил Стасю под руку и заставил ее выпрямиться, – я, знаете ли, терпеть не могу все эти ваши церемонии, я хочу, чтоб запросто, и если

вы назовете меня иначе, чем Люлю, я, право слово, буду вынужден немедленно покинуть Александрию, сохранив об этом городе весьма неважные воспоминания! Ну? Ну? Хорошо? Да?

Стася с улыбкой посмотрела на Люлю снизу вверх:

– Хорошо... Люлю.

– Ну и славно! Славно! – Люлю перевел дух и тоже улыбнулся. – А что до бедняги Юллиуса... Вы знаете, господин Лобо, он занемог. Да. Еще в Свенске.

– Что приключилось с ним?

– О, трудно сказать, трудно! – Люлю пожал плечами. – Врачи говорят: переутомление.

– Юлли чертовски переутомился, – подтвердил Дэдлиб.

«Еще бы, – подумал Баг, – любой бы переутомился, когда у него неиссякающий бар в кармане. И какие напитки подают в том баре! – Багу вспомнилось содержимое фляжки Тальберга, которым тот угостил его после спасения из холодных вод Суомского залива: Тальберг называл эту огненную жидкость «Бруно»¹⁰, и даже эрготуу бледнел рядом с ней. – Тут кто хочешь переутомится».

– Ну и вот, – продолжал Люлю, – и Юллиусу прописали покой. А вдобавок всякие там укрепляющие процедуры, массажи, ванны, ну вы знаете...

Баг кивнул. Он знал.

– А тут у вас, под Александрией, в ближнем пригороде Москиново, открылась новая лечебница «Тысяча лет здоровья». Грязевые ванны, фитотерапия, коррекция кармы и прерывание спонтанных выходов в астрал. Тысячелетние традиции и все такое. Мы даже в Свенске про это в газетах читали. И завтра с утра повезем туда Юллиуса.

– Он сейчас в гостинице лежит, – пояснил Дэдлиб. – Отдыхает.

– Лечебница «Тысяча лет здоровья» – поистине волшебное место, – вдруг прозвучал совсем рядом хриплый, слегка надтреснутый, но очень уверенный голос. Баг обернулся и увидел высокого и чрезвычайно худого преждевременного в очках в золотой оправе. Его темный халат, пошитый из весьма дорогого сорта шелка, нарочито был лишен каких-либо вышивок и украшений. Лишь небольшой металлический значок – буква «К», образованная как бы кнопками компьютерной клавиатуры, – аскетично блестел на правой стороне груди. Баг знал этого человека. Имена таких людей известны всем, но их не узнают, когда встречаются на улице.

– Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу, – преждевременный коротко, с достоинством поклонился, – но услышав, о чем вы говорите, не смог промолчать.

– Позвольте представить, – молвил Баг, – преждевременный Лужан Джимба, владелец объединения «Керулен».

Джимба сызнова отвесил отдельный поклон Багу, явно благодаря за то, что тот так любезно представил его своим друзьям, потом, опять-таки отдельно, с ощутимым оттенком, так сказать, куртуазной галантности – Стасе, единственной даме на всю компанию, и, наконец, со светской непринужденностью, вполне на варварский манер, пожал руки Люлю и Дэдлибу. Видно было, что ему и такое не внове.

Манеры одного из богатейших людей планеты были безупречны.

– А, вы тот, который... э-э-э... компьютеры? – с детской непосредственностью заулыбался Люлю. Джимба коротко кивнул. – Ну да, ну да! У меня есть парочка ваших компьютеров. Даже три.

– И как они вам?

– Отменные, отменные! Не нарадуюсь. Ни я не нарадуюсь, ни Сэм не нарадуется, правда, Сэм? Ни Юллиус... – Люлю опечалился. – Правда, теперь Юллиус вообще не радуется.

---

¹⁰ Действительно, в «Деле жадного варвара» любитель крепкого гаолянового самогона двойной очистки Багатур Лобо сталкивается с потрясающим по мощи воздействию на организм напитком под названием «Бруно» сразу после того, как выбирается из воды на спасательный катер, ведомый Люлю и его сотоварищами. Никакими дополнительными подробностями о напитке под названием «Бруно» переводчики в настоящее время не располагают.

– Все будет в порядке, поверьте! Открою вам маленький секрет. Я сам две седмицы назад проходил в Москитово курс лечения от дурных снов. Все сняло как рукой. Это волшебное место. Вы поступаете правильно, доверяя вашего друга тамошним целителям, – скупно улыбнулся Джимба.

– Очень хотелось бы, – энергично закивал Люлю. – Не могу смотреть, как Юллиус в хандре лежит носом к стенке! Просто хочется плакать!

Дэдлиб шмыгнул носом и потянул из кармана цветастый платок.

– Ну что же, – Люлю вздохнул, – однако позвольте откланяться! Нам с Сэмом пора промочить горло, а у вас, я знаю, это не в обычае – вот так запросто, посреди бела дня, пойти да и промочить горло... Был очень рад, господин Лобо! – Учтивый кивок Багу. – Господин Джимба! – Кивок Джимбе. – Прекрасная госпожа Гуан! – Поклон Стасе. – Еще увидимся.

– Всего наилучшего вашему приятелю! – Джимба сверкнул стеклом очков, пожимая руку Дэдлибу. – Не пройдет и нескольких дней, как он почувствует необыкновенный прилив сил!

– Только на это и надеюсь! – отвечал Люлю. – Значит, господин Лобо, завтра мы в Москитово, а послезавтра, если у вас найдется время, я в вашем распоряжении!

– Я свяжусь с вами, – кивнул Баг.

– Суета... – глядя вслед удаляющимся Люлю и его спутнику, протянул Лужан Джимба. – Западные варвары тратят впустую слишком много энергии. Лучше бы они лишний раз взглянули вокруг. – Джимба обвел широким жестом висевшие на стенах картины. Рука его замерла напротив «Бессмертной Ордуси». – Когда я смотрю на эти лица, с небесным талантом изображенные великим мастером Цзуновым, суетные мирские дела отступают куда-то далеко. Ибо рядом вечность...

Следуя руке Джимбы, Баг снова взгляделся в лица, усеивавшие колоссальный свиток, как опята пенек. Его внимание привлекло одно – неподалеку от благоверного князя Александра, решительное, одухотворенное... Ощущение сродни тому, что варвары называют дежавю, посетил Бага: лицо казалось очень знакомым... Ну конечно! Оно-то и было изображено на обложке странного издания «Слова о полку Игореве», которое Баг нашел в номере асланівської гостиницы, только там выражение этого лица было тупым и даже злодейским. Баг еще раз удивился откровенной недоброжелательности неизвестного оформителя.

– А кто это, преждедороденный Джимба? – поинтересовался, указывая на картину, Баг, уверенный в том, каким будет ответ.

– Ну как же! – Джимба заложил руки за спину. – Князь Игорь, – он глянул на Бага с легким недоумением. – Это ведь очевидно!

– Я так и думал, – кивнул Баг. – Просто... видите ли, мне совсем недавно попалось на глаза... гм... совершенно иное толкование образа, и это на миг сбило меня с толку.

Джимба поджал губы и взглянул на Бага с уважением.

– С тех пор, как нас представили друг другу два года назад, – сказал он, немного подумав, – я внимательно слежу за вашей деятельностью. Должен признать, мне это доставляет искреннее удовольствие, драгоценный преждедороденный Лобо. Вы – человек выдающихся способностей, достойный занимать высокие должности.

– Служебный рост меня не интересует, – мягко отвечал Баг. Уверенная и скупая обходительность владельца бесчисленных предприятий производственного объединения «Керулен» была ему по душе. – Мне нравится то, что я делаю. – И он улыбнулся Стасе.

– Вы – человек на своем месте. Правда. – Джимба взял Бага под свободный локоть и увлек его и Стасю вдоль ряда картин. – Я восхищен тем, как вы проявили себя в асланівських событиях. Говоря откровенно, драгоценная преждедороденная Гуан, – обратился он к Стасе, – императорский двор мог бы быть более щедр к вашему спутнику.

– Что вы, награды тоже не интересуют меня! – запротестовал Баг, опять ощутив неловкость. – Прошу вас, не станем об этом.

«Чудо, как он скромн», – подумала Стася.

– Ваша сдержанность делает вам честь, драгоценный прежде рожденный Лобо, – кивнул Джимба. – Воистину трудно сыскать второго такого человека. Совершенный муж совершенен во всем. – Он взглянул на Стасю. Та смущенно улыбнулась в ответ. – Как раз сегодня утром я думал о вас, – продолжал между тем миллионщик. – И вот я случайно встречаю вас здесь, драгоценный прежде рожденный. И вашу прекрасную спутницу. Это – знак судьбы, это неумолимый закон кармы. И вот я подхожу к вам, и мы беседуем... – Джимба остановился рядом с полотном, изображавшим Будду Гаутаму, Лао-цзы, Иисуса Христа, Мухаммада и великого Учителя Конфуция на горе Синайской. Окинул взором величественную композицию. – Вы знаете, драгоценный прежде рожденный Лобо, я хочу сделать вам одно предложение.

Баг внимательно посмотрел на Джимбу. На его бесстрастном лице не дрогнул ни один мускул.

– Видите ли... В моем объединении скоро полгода как свободно место начальника стражи. Есть такая должность. Наши огромные заводы, конструкторские бюро, лаборатории, где идут испытания и делаются новейшие разработки, приходится охранять. В мире существуют вещи, да простит меня достойная прежде рожденная, о коих не говорил Конфуций: души умерших, СПИД, промышленный шпионаж... Вы обратили внимание, что для обозначения большинства из них даже не подыскать исконно ордусских слов? Только заимствования. Увы, прежний начальник стражи безвременно оставил свой пост... да и вообще наш мир. Я пытаюсь подобрать нового человека. Признаюсь, мною было рассмотрено множество лиц. Но... вы знаете, это все не тот уровень. Начальник стражи такого предприятия, как «Керулен», должен быть человеком острого ума и разностороннего образования. Человеком с государственным мышлением. Сегодня я знаю только одного подобного человека. Это вы, драгоценный прежде рожденный Лобо!

Баг был несколько ошеломлен. Он ожидал, что Джимба захочет от него совета в части подбора нового начальника стражи, попросит порекомендовать кого-нибудь, и лихорадочно прикидывал, кого бы назвать; но ему и в голову не пришло, что Лужан Джимба имеет виды на него самого.

Баг совершенно не представлял себя в должности начальника стражи частного предприятия. Совершенно. Ну никак.

– Не отказывайтесь сразу! – быстро сказал Джимба, видя его замешательство. – Вы ведь еще не знаете, что я вам предлагаю. А это маленькая армия из трех тысяч человек, находящаяся в полном вашем подчинении. Это новейшие средства безопасности, последние разработки «Керулена». Это апартаменты улучшенной планировки в центре Александрии и загородное имение в Пусицине. Это целый парк служебных повозок и служебный воздухолет. Это высокое, очень высокое денежное содержание, гораздо выше вашего нынешнего. Правда, все это предлагается вам не даром. Занимающий этот пост человек будет загружен большую часть времени. И днем, и, часто, ночью. Зато к услугам вашим и вашей семье, – Джимба коротко взглянул на Стасю, девушка сжала локоть Бага, Баг легонько кашлянул, – бесплатное обслуживание в лечебнице «Тысяча лет здоровья», с которой мы на днях заключили долгосрочный договор.

– Вы знаете... – начал было Баг, но Джимба властным жестом прервал его.

– Нет, нет! Подумайте, посоветуйтесь с родными. – И он вновь коротко, но веско глянул на Стасю. Та слушала очень внимательно, и Баг понял, что Джимба, кажется, обрел единственного и союзника. Как мужчине Багу было донельзя приятно, что эта прекрасная девушка так реагирует на слова «семья», «родные»... Сие свидетельствовало о глубине ее чувств и серьезности намерений. И все же ему отчего-то стало тревожно.

– А потом позвоните мне, – закончил Джимба. – Договорились, драгоценный прежде рожденный Лобо? – Он протянул Багу визитную карточку. – В любое время. И еще. Какое бы

решение вы ни приняли, я не буду на вас в обиде. – Джимба опять коротко, с достоинством поклонился и, повернувшись, пошел к выходу из Павильона.

Баг тупо вертел в руках его визитную карточку.

– Деловой человек, – пробормотал он.

– Дорогой Баг, – вполголоса проговорила Стася, заглядывая ему в глаза. – По-моему, это очень хорошее предложение. Щедрое. А?..

– «К услугам вашим и вашей семьи»... – передразнил Баг Джимбу, скорчив рожу. Стася высоко подняла брови, вытаращила глаза, стиснула губы и слегка втянула щеки – точь-в-точь как верная жена в четырнадцатом акте известной пьесы «Красная кувшинка». Долго, правда, такое выражение ей сохранить на лице не удалось – оба прыснули со смеху, едва успев прикрыть лица рукавами халатов.

Посетители выставки поглядывали на Бага и его спутницу с легким неодобрением.

Богдан Рухович Оуянцев-Сю

*Загородный дом Великого мужа
Мокия Ниловича Рабиновича,
19-й день восьмого месяца, шестерица,
позднее утро*

День выдался яркий, звонкий, но близость осени ощущалась во всем – в арктической просторности стылого безветрия, в бездонной черноте теней, где проваливается и меркнет взгляд, в ослепительности прозрачно-голубых, как лед, небес.

Главный цензор Александрийского улуса, Великий муж, блюдуший добродетельность правления, мудрый и бдительный попечитель морального облика всех славянских и всех сопредельных оным земель Ордуси Мокий Нилович Рабинович – сотрудники уважительно-ласково называли его Раби Нилычем – хлебнул горячего чаю из блюдца, поставил блюдце на стол и потянулся к изящной соломенной корзинке с сушками.

– Рива, как всегда, преувеличивает, – сказал он и захрустел сушкой.

Красавица дочь Мокия Ниловича, сидевшая рядом с отцом, от души засмеялась.

– По-моему, папенька, не три, а все-таки по крайней мере четыре, – проговорила она, лукаво косясь на Богдана. – Это ты преуменьшаешь.

– Вот нынешняя молодежь, – глубоко вздохнул Мокий Нилович. – И спорят, и спорят... Мокий Нилович Рабинович бросал курить.

– Честное слово, Раби Нилыч, – примирительно сказал Богдан, – мне иногда казалось, что для вас и пять пачек не предел.

Они чаевничали втроем – супруга Великого мужа на несколько дней отбыла по служебной надобности в Иерусалимский улус – на искусственном островке посреди пруда в саду загородного имения Мокия Ниловича, в увешанной длинными свитками с изречениями из Торы беседке, именуемой «Залом, с коим соседствует добродетель».

– Ну, может, и бывали напряженные дни, когда я выкуривал по четыре пачки, – сдался Мокий Нилович. – Но нечасто. Нечасто.

– А кашлял-то как по утрам! – с ужасом припомнила Рива.

– Честно сказать, я и теперь еще подкашливаю слегка, – признался Мокий Нилович. – Но все равно чувствую себя иначе. Совсем иначе. Пару-тройку сигарет за день выкурю – и хорошо, и ладно.

– Поверите ли, Богдан Рухович, – доверительно поведала девушка, – я уж и мечтать перестала о том, что папенька бросит табак этот. Просто чудо Господне! Только вот Карпуша тоскует, – вздохнула Рива и, ладонью попробовав, не остыл ли чайник, чуть повернулась и попыталась, прищурившись, глянуть на горящую от солнца гладь воды. Сразу отвернулась, махнув рукой. – Нет, не вижу. Слепит очень.

– Там он, сердешный, там, – сказал Богдан, который сидел сбоку: ему отчетливо различим был сквозь воду силуэт громадного, замершего в унылой неподвижности карпа, которого заботливая Рива в свое время приучила подьедать за батюшкой бесчисленные летящие в воду окурки.

– Я ему с позавчерашнего вечера стала целые кидать, – сообщила Рива. – Кушает... Но все равно скушает. Еда едой, а общение? Бывало, папенька тут посидит, покурит вечером с полчаса – Карпуша оттуда смотрит, губами шевелит... окурков пять-шесть схрумкает – вроде и побеседовали. А теперь... Или, может, обиделся, – продолжала она задумчиво, – вчера-то мне так жалко его стало, так жалко, что я... – девушка замаялась, – уж простите, батюшка, а только целую сигару из тех, что вам в прошлом году с Кубани прислали, ему кинула. Карпуша-то ее – ам! Ан не окуроч... Наверное, крепкая она ему, сигара-то...

Мокий Нилович шутливо погрозил дочери пальцем и сказал:

– Вот мы и стараемся, Богдан, на пруду чай гонять почаще. Все-таки ему повеселей.

– Понимаю, – сказал Богдан и взял бублик. – Божья тварь.

– Во-во... Так что сильно тебе сие заведение рекомендую, – вновь вернулся к прежней теме Мокий Нилович, подливая себе из чайника чаю. – И название-то какое: «Тысяча лет здоровья»!

– Да я не курю. И не пью. Почти...

– Я говорю тебе, Богдан, там вообще от всего лечат. Новейший центр. Живописное место на самом берегу залива, нетронутый лес по сторонам, озера. Воздух, как в горах. Высокотехнологичное оборудование последнего поколения, ничего ввозного. Правда, – Мокий Нилович усмехнулся, – слов варварских много. Животворное общение у тамошних медиков не иначе как «витагенные контакты». А пиявколение – как бишь... гирудотерапия!

Богдан едва не уронил чашку.

– Как-как? – в полном восторге переспросил он, сразу вспоминая завсегдатая харчевни Ябан-аги йога Гарудина. – Гарудотерапия?

– Нет, – с сожалением возразил Мокий Нилович. – Мне тоже по первости показалось, будто они от птицы Гаруды¹¹ словцо выродили... Нет, это на латынский манер. Пиявицы – гируды по-ихнему.

– Вот и верь ученым, – подперев щечку кулачком, задумчиво произнесла Рива, – когда они утверждают, будто не все языки произошли от одного, древнейшего единого...

– Но сами эти... витагенные контакты, – со вкусом повторил смешное словосочетание Великий муж, – дорогого стоят! Я с одним ечем¹² там разговорился... Желудок ему безо всяких таблеток и ножей вылечили. Просто специально дрессированную кошку здоровенную клали на больное место, и он ее гладил по паре часов кряду – дескать, сворачивается божия тварь как-то особо ласково, греет... статическое электричество дает, наводит и снимает поля. Чудо-кошка, ей-богу! Через десять сеансов язвы как не бывало! Да и я – посмотри. Ведь действительно с двух укусов курить перестал. Вот в эту точку и в эту... – Мокий Нилович распахнул теплый халат на смуглой волосатой груди и показал две метки под ключицами. Там виднелись уже сходящие синяки. – Нет, Богдан, кроме шуток. Рекомендую.

– Я здоров, – почти с сожалением ответил минфа. И благоразумно добавил: – Пока.

– Ну, на будущее учти... А младшая супруга твоя как? Вот бы ее подлечить там после асланівської-то встряски – ей-богу, милое было бы дело! Недешево, конечно, да после повышения тебе это все ништо!

Богдан немного помедлил с ответом.

– Жанночка, слава Богу, вполне поправилась. Конечно, суетиться подле нее пришлось немало... но... Это мне только в радость.

Рива мечтательно подперла щечки обоими кулачками.

---

¹¹ Вообще-то это чудо-птица, да к тому же знающие люди говорят, что на ней сам Вишну ездит. А если мы начнем объяснять, кто такой Вишну, то сноска получится длиннее самой книги.

¹² При неофициальном общении многие ордусяне, особенно коллеги, сокращали общепринятые обращения одного человека к другому до возможного минимума. Например, безупречно вежливое ордуское обращение низшего к высшему – «драгоценный преждежденный единочатель такой-то» – в деловой обстановке, особенно если разница в чинах не слишком велика, редуцировалось до «драг прер еч». Основным же и наиболее общим обращением ордусян друг к другу является слово

«единочатель» – в подлиннике ван Зайчика: «тунчжи» 同志, – сокращенно: «еч». В «Деле жадного варвара» Х. ван Зайчик прямо пишет о том, что ордуские офицеры силовых ведомств ввиду специфики работы зачастую «пренебрегали правильными церемониями» и, вместо того чтобы произносить полностью положенное обращение «единочатель», говорили коротко «еч». Судя по всему, подобное обращение свидетельствовало также о степени взаимного уважения и доверия между должностными лицами; так, в «Деле жадного варвара» Багатур Лобо, обращаясь к Якову Чжану, нарочито употребляет полную форму – «единочатель», подчеркнутой уважительностью ненавязчиво демонстрируя, что, несмотря на его, Чжана, молодость, неискушенность и неопытность, он относится к нему как коллега к коллеге.

– Вы, наверное, замечательный муж, Богдан Рухович, – проговорила она, неотрывно глядя на Богдана своими огромными глазами. – Добрый, заботливый и справедливый.

Тут настала очередь Богдана краснеть.

– Да как вам сказать, Рива Мокиевна... – пробормотал он смущенно.

– Дочка, – Мокий Нилович негромко кашлянул, – чай простыл.

– Да, папенька, – ответствовала Рива, с готовностью вскакивая и чуть кланяясь отцу. Споро поставила на серебряный поднос чайник, три пустые чашки и, мелко ступая в длинном кимоно, выскользнула из беседки, грациозно проплыла над уютным горбатым мостиком и скрылась в саду.

Мода на кимоно нихонского кроя, в середине весны вдруг полыхнувшая среди молодых девушек Александрийского улуса, все не проходила. «Странно, – подумал Богдан. – И почему тех, кто вступает в жизнь, вечно тянет на иноземное? Ханбалыкские халаты куда удобнее... Вон как славно сидит на Раби. И тепло, и вольготно».

– Совсем в возраст вошла, – вполголоса поведаль Богдану Мокий Нилович.

– Хороша, – искренне ответил Богдан.

– Глаз с тебя не сводит.

– Да помилуйте, Раби Нилыч...

– Вот те крест. Сам не видишь, что ли?

Богдан не нашелся, что ответить.

– А я бы не против, – вдруг сказал Мокий Нилович, глядя мимо Богдана и задумчиво сцепив пальцы лежащих на столе рук. – То есть дело ваше, конечно... Просто мне бы, старику, спокойней было. Может, каким любительницам острых ощущений с тобою и пресновато, – но за тобой как за каменной стеной. Вот уж в чем я уверен. – Он усмехнулся. – И тебе бы весело. Собрал бы целый, как одно время в Европах модно говорить было, интернационал. Узбечка, француженка, ютайка¹³...

Несмотря на прохладу, Богдана бросило в жар.

– Маловато для интернационала, – натужно попытался он отшутиться.

Вотще. Голос прозвучал как-то сипло.

– Какие твои года, – спокойно ответил Мокий Нилович и глянул подчиненному в лицо. – Ты и пятерых теперь вполне прокормишь, после повышения-то в ранге. Тем более, скажем, Рива моя бездельничать не будет, работать пойдет обязательно. Математикой бредит, астрофизикой... Помнишь, я тебе рассказывал, что в прошлом году она на объявленный Тибетской обсерваторией конкурс сочинение подавала?

– Помню.

– Первое место заняла, – сдержанно, но гордо уронил Мокий Нилович. – Директор обсерватории, цзиньши¹⁴ астрофизических наук Чэн Тойво Петрович ей золотой диск Галактики прислал, с личной подписью и киноварной печатью на веревочке...

– Вот умница девочка! – искренне восхитился Богдан. Талантам ближних он всегда радовался безоглядно, от души. – А ведь я ее совсем пацанкой помню, по деревьям любила лазить... Наверное, к звездам поближе подбиралась.

Мокий Нилович хмыкнул.

---

¹³ Ютаями в Китае спокон веку называли евреев. *Ютай*, или, полностью, *ютайжэнь* 猶太人 – это, несомненно, в первую очередь транскрипционное обозначение. Однако оно может одновременно читаться и по смыслу. Первый иероглиф значит «все еще», «несмотря ни на что», «вопреки», «по-прежнему». Второй употребляется в китайском языке крайне часто и входит, например, составной частью в такие известные слова, как «тайфэн» (прозвище Багатура Лобо), или, в японском чтении, «тайфун» – «великий ветер». Третий же иероглиф постоянные читатели ван Зайчика, вероятно, уже научились узнавать сами – это «человек», «люди». Таким образом, в целом «ютайжэнь» значит: «как ни крути – великий народ».

¹⁴ По контексту всяк догадается, что выше цзиньши в науке не прыгнешь. Так и есть. Доктор он и есть доктор. Доктор наук может стать вдобавок профессором, но профессором наук стать никак нельзя.

- Как же вы до сих пор не похвастались-то, Раби?
- К слову не пришлось, – слегка замялся суровый отец.

Из-за поворота ведшей к дому дорожки, аккуратно посыпанной ярко-желтым песком, показалась Рива Мокиевна с подносом в руках. Богдан неловко отвел глаза – и поднял их, лишь когда девушка, улыбаясь ему, поставила перед ним чашку и наполнила темным, ароматным, слегка дымящимся в прохладном воздухе чаем.

- Благодарю вас, Рива Мокиевна, – проговорил Богдан.
- Ах, что вы, Богдан Рухович, – ответствовала та.

Мокий Нилович с легкой доброй усмешкой, чуть исподлобья, наблюдал за ними. А когда девушка уселась на свое место и налила чаю себе, достал из лежавшей в кресле рядом с ним пачки «Гаолэ»¹⁵ сигарету. Подержал в руках мгновение, а потом решительно встряхнулся и, не закуривая, метнул ее в пруд.

Карпуша увесистой чешуйчатой молнией вознесся из воды, на лету жамкнул сигарету и с аккуратным плеском провалился обратно в расплавленное сверкание.

- Эк! – довольно крякнул Мокий Нилович, провожая любимца взглядом. – Молодца!
- А ведь это несправедливо, – вдруг проговорил Богдан.

– Что? – не понял Мокий Нилович.

– Я бы даже сказал, жестоко. Уж простите меня, Раби Нилыч, на резком слове.

– Да ты о чем, Богдан? – нахмурился сановник.

– О карпе. Мнится мне, его, как и вас, пора лечить от пристрастия к табаку. Наверное, табак и рыбе вреден.

Яркие, пухлые губы Ривы Мокиевны изумленно приоткрылись: редко кто брал на себя смелость делать замечания ее отцу.

– Каков! – одобрительно буркнул Мокий Нилович после короткой паузы. – Нет, каков, а, дочка! Яко благ и человеколюбец. Даже – рыболобец!

Богдан поправил очки.

– Нет, ну правда, Мокий Нилович. . .

– Не знаю, какой ты на самом деле муж, – проговорил Раби Нилыч, – это Фирузе и Жанну спрашивать надо. . .

Лицо и даже шея Ривы в момент стали пунцовыми, словно в ее сторону плеснуло по ветру пламенем близкого костра, – и девушка в полном смущении отвернулась.

– Но вот что Великий муж из тебя получится отменный – тут у меня сомнений нет. Ни малейших. Вот на сей предмет я и хотел поговорить с тобой, когда звал откусать чаю. . .

Богдан pokrutil головой.

– Слушаю вас, – пробормотал он.

– Меня, может, уложат на время. Может, на десять дней, может, седмиц на пару. Обследоваться да подлечиться как следует, без спешки. И. . . старый я стал. Год ли, два ли еще протяну в главных блюстителях – все равно уходить вскорости. Вот тебе и тренировка, пока я в этой самой «Тысяче лет» сибаритствую. Временным Великим мужем я оставляю тебя. Привыкай.

Богдан не сразу нашел в себе силы ответить. Слишком все это было неожиданно.

– Мокий Нилович, я недостоин. . . – монотонно забубнил он, пытливо вглядываясь в глубину чашки с чаем, но Мокий Нилович его перебил.

– Брось. Я и с князем давеча говорил на сей предмет. У него нынче голова кругом идет, конечно, ибо на днях голосование по челобитной этой, насчет снижения налога. . . Но твое имя он хорошо помнит. И он целиком за.

¹⁵ Букв.: «Высокая радость» 高興, но, в сущности, это можно было бы перевести просто как «Кайф».

Тут уж перечить было бессмысленно. Богдан только сглотнул пару раз, чтоб не перехватило горло некстати, встал, одернул ветровку, которую Жанна не называла иначе как «а-ля Рюрикь», опустил руки по швам и сдержанно отчеканил:

– Служу Ордуси.

Рива, с прижатой к груди чашкой чая в руках, восхищенно глядела на него снизу вверх. Пруд у нее за спиной торжественно сверкал.

*Благоверный сад,
19-й день восьмого месяца,
шестерица, день*

Начальные восемь седмиц супружества проходят под знаком Огня. Вечно куда-то спешащие западные варвары называют начало брака медовым месяцем, отводя молодоженам на первый пыл срок постыдно короткий, и фантазия европейская в сравнениях не идет дальше меда. Что ж, там и прекрасную часть женского тела, которую по всей Ордуси благоговейно и поэтично именуют «яшмовой вазой», зовут *honey pot* – «горшочек с медом»; можно подумать, изголодались они в Европе совсем, и предел тамошних вожделений и мечтаний – по-быстрому сладкого от пуза налопаться. Нет, конечно. Неистовые размолвки и страстные примирения, судорожные ночи и мгновенные дни – никакой это не мед. Даже не сахар.

Огонь.

Потом эту стихию начинает тушить холодный душ общего быта и каждодневного неприукрашенного трения. Начинается власть Воды. И длится она еще семь месяцев. А если брак устоит, не размокнет и не утонет под сим остужающим напором, власть над ним берет плодородная стихия Земли. Два да семь – девять. Начинаются дети.

Рожать, разумеется, не возбраняется никому и через пять, и через десять лет после заключения брака, если есть на то обоюдные возможности и общее желание. Но считается, что знак Земли властвует над мужем и женою ровно три года. Потом его сменяет знак Дерева. Семья перестает быть суетливой и недолговечной травой, торопливо лезущей из земли, и становится крепким, могучим деревом, пустившим корни и поднявшимся, чтобы зеленеть и ветвиться, всерьез и надолго.

И наконец, если брак не распадается за десять деревянных лет, над ним простирает свои несокрушимые крыла Металл. Дальше вступают в силу иные, более частные степени: серебряная годовщина, золотая годовщина; ну а если Господь, Аллах или кто еще наделил супругов из ряда вон выходящим долголетием, то и ванадиевая, и иридиевая...

Моменты перехода от одной стихии к другой – самые опасные для семьи. Понимающие супруги ведут точный календарь совместной жизни и в эти дни стараются быть друг с другом особенно нежными и уступчивыми, вслух не произнося ни слова о причинах такого поведения – зачем говорить о том, что общеизвестно; чудеса изобретательности проявляют, дабы потешить близкого человека, поелику возможно: подарком ли неожиданным, путешествием ли долгожданым... да хоть чем.

А в тяжкий день перехода от Огня к Воде обязательно творят благодарственные жертвоприношения там, где когда-то повстречались.

Всех этих тонкостей прекрасная варварка Жанна, конечно, не знала, да и знать не могла; Богдан и не обольщался. Но сам-то он был, слава Богу, человеком культурным. И подготовился ко дню, коим начиналась девятая седмица их странного супружества, загодя.

Все получилось как нельзя лучше. В несколько смятенных чувствах вернувшись от Мокия Ниловича, Богдан, отобедав и успокоившись, уговорил Жанну поехать кататься. Погода какая, посмотри, Жанночка! В наших широтах столь яркий день – редкость... Поехали?

Поехали.

А в просторном гараже под их двадцатипартаментным особняком Жанна с ее истинно галльским темпераментом и безупречным чувством прекрасного не могла не обратить внимания на неожиданно возникшую по соседству с потрепанным «хиусом» Богдана и своим заморским «феррари» новенькую сверкающую повозку небесно-голубого цвета – напевного и глубокого, как первый гул колокола в рождественскую ночь. Удивительно изящные, хотя и, на аскетичный вкус Богдана, несколько кричащие о собственной породистости очертания разительно отличались и от неброской уютности «хиуса», и от зализанной европейской сплюснутости. Почти не отличаясь от соседей по размерам, новая повозка выглядела рядом с ними как императорская яхта среди рыбацких катеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.